

Три рассказа

Автор:

Пётр Шаевич

Три рассказа

Пётр Шаевич

Три коротких истории из жизни фотографов, воспринимающих жизнь через призму своих ощущений. Но жизнь не всегда такая, какой они её видят, зачастую она полна сюрпризов, как приятных, так и не очень...

Пётр Шаевич

Три рассказа

КОТ

Рассказ

Прилетал как-то на землю один ангел, хотел найти хорошего фотографа, дабы тот запечатлел художественно его, ангелово или ангельское, падение. Но, как оказалось, сейчас, когда плёнка канула в Лету – реку забвения, и по всей земле стремительно распространилась цифра и никакого фиксажа – один сплошной фотошоп, стало очень сложно найти хорошего фотографа, когда кругом одни фотографы, профессионалы с большой буквы.

Сейчас без преувеличения можно сказать, уже собаки с бродячими котами успешно занимаются фотографией. Писали даже, что один молодой ещё кокер спаниель обеспечивает себя и своих хозяев – студентов, работая на свадьбах,

отнюдь не разгуливая на задних лапах балансируя мячиком на мокром носу, но печатлея на свою собственную зеркалку жениха, что, как водится, серьёзный очень и невесту, что ослепительно молода. Как тут не потеряться среди такого многообразия. Проблема выбора однако в эпоху изобилия стоит особенно остро.

Нашёл ли себе вышеупомянутый ангел достойного случая мастера, или так пал, не явив миру совсем никакого фотоотчёта, сие неизвестно. Предположим, что, помыкавшись здесь на земле, он в итоге развёл крылами и решил отложить своё падение до лучших времён. С тем и улетел в свои небеса и правильно сделал.

Наш древний город сам по себе так выгодно расположен на слиянии двух великих рек, имеет такую редкую по своей красоте архитектуру, что здешним любителям фотографии натурально не до ангелов. А набережная, а кремль, а, так называемая историческая часть, храмы, особняки – купеческая вычурность. Что говорить, здешним фотографам ангелы не нужны. Взять хоть наш драматический театр, построенный в 1897 году итальянским архитектором Джованни Баттиста Филиппо Базиле. Не театр, а жемчужина неоклассицизма, как заметил один знаменитый публицист и краевед.

Но не везде всё так благолепно в нашем богоспасаемом городе. Сразу за театром, если возникнет охота туда зайти, пред нами откроется совсем другая картина, так сказать на контрасте. За помпезным фасадом знаменитого театра иная архитектура – ветхий фонд в последней стадии обветшания. Дома в полтора этажа с осыпающейся лепниной и текущими крышами. Косые глазницы слезливых окон, затхлость, шаткость, сырость, вездесущие сквозняки. Мерзость запустения. И здесь представьте себе живут люди, собираются по вечерам на общих кухнях, пьют чай с ванильными сухариками и испокон века ждут расселения, как второго пришествия. Вера в грядущее расселение укрепляет умы и согревает души, а иначе никак.

Жить с перспективой остаться в сих унылых краях на ПМЖ – это увольте, покорнейше вас благодарим. Ванильные сухарики конечно хорошо, спору нет, но без теплого сортира в наш просвещённый век, согласитесь, беда. Из культурного же досуга ежевечерние батлы доморощенных проповедников. На повестке неизменно качественные и временные аспекты грядущего переселения, причём один из проповедников по закону жанра встаёт на популистские рельсы и катит по ним на всех парах прямо в светлое будущее, которое не сегодня завтра наступит в виде переезда в престижнейшие районы нашего справедливо управляемого города. Другой же проповедник, являясь оппонентом первого,

предлагает особо не обольщаться и со стоическим хладнокровием продолжать запасаться терпением. В последнем раунде или акте сего действия обязательно всеобщее примирительное чаепитие всё с теми же ванильными сухариками. Аплодисменты, занавес! А что, людям нравится!

Да, конечно, есть такой вариант, отнести к постигшим вас жизненным невзгодам с известной долей юмора – метод работает, но отчасти. Быт заедает, заедает своей пещерной неприхотливостью. Мрак, мрак крошечный и мракобесие, а как зажжёшь свет на общей кухне, вскочив среди ночи покурить – тараканьи бега и сафари с валенком на перевес.

Другое дело досужей парой как-нибудь зайти сюда погулять, просто побродить по этим тенистым улочкам, особенно когда небо чистое и солнышко пробивается сквозь листву раскидистых лип, в которых оглушительно щебечут неугомонные воробьи. Вне всякого сомнения найдутся же любители подобных экзотических мест, кто способен разглядеть во всём этом особую привлекательность и даже красоту.

С завидным постоянством ходил сюда например один увлечённый джентльмен с фотокамерой в беспокойных руках, всё фотографировал, фотографировал, только вот сейчас что-то совсем пропал. Но было время случалось видеть его здесь довольно часто и не только погожим, ясным днем, но и в ненастье, и в ненастье любил он бывать и на Скобяной улице и на Шпинголетовой, любил пройтись по Абрикосовой свернуть на Виноградную, выйти на Петровско-Разумивской и даже отваживался заглянуть в печально известный переулок Кожевенный.

Сдвинутое набок крыльцо, алые гроздья рябины, ворона на ветке, стена из красного кирпича вся в загадочных письменах, фрагменты ампирического декора на облупившемся фасаде, ржавый гвоздь в заборе, дыра в асфальте, трещина в оконном стекле заклеенная скотчем, кленовый лист залипший на раме – ни один арт-объект не ускользал от пытливого объектива, всё подмечал выпукло-объективный глаз.

Однажды объективный глаз, в очередной раз погружаясь по своему обыкновению в дебри старого фонда, наткнулся на одну очень интересную стену, выкрашенную когда-то в жёлтый цвет. Теперь краска почти вся осыпалась. Чем же так заинтересовала эта стена, в первую очередь, конечно, самого фотографа, поскольку фотограф здесь главный и это он выбирает

натуру, а не его верный друг фотоаппарат, каким бы выпуклотехнологичным он не был.

На стене кто-то не лишённый таланта нарисовал барышню в синем вотерпруфе, синем же капоре и с открытым зонтиком в правой руке, держась за который барышня как бы улетала, влекомая ветром. Такой вот стрит-арт, но не это самое интересное, стрит-артом ли нас удивить, когда все стены в стрит-арте. В правом верхнем углу было небольшое почти квадратное единственное здесь окно, на всю стену всего одно окно, а в окне, что в первую очередь и привлекло внимание, сидел огромный, огненно-рыжий кот.

Пока человек кружил внизу, желая найти наиболее выгодный ракурс, кот флегматично наблюдал. Глаза кота не выражали ни любопытства ни вообще какой-либо заинтересованности. Он просто смотрел, но что удивительно, взгляд этого огромного рыжего кота обладал какой-то скрытой необъяснимой силой. Он привлекал, завораживал, безучастный ничего не выражающий взгляд. Всё это тогда показалось несколько странным.

Удовлетворив потребность увековечивать окружающую действительность, используя волшебство фотографии, человек оставил таки столь заинтересовавшую его стену и довольный пустился искать новую окружающую действительность, конечно воспринимая её исключительно как объективную реальность.

Как-то дней десять, двенадцать спустя, оказавшись в тех же самых местах, гуляя со своим фотоаппаратом по тихим улочкам, которые так любил, фотограф снова наткнулся на ту же жёлтую стену с улетающей барышней и с единственным окном в правом верхнем углу, а в окне он увидел всё того же рыжего кота так же как и тогда безучастно вззирающего на него. «Ёшкин кот...» – единственное, что смог вымолвить человек и сделал ещё несколько снимков. Домой в тот день он вернулся в приподнятом настроении.

Вскоре разумеется он опять явился пред жёлтой стеной, убедился что барышня в синем капоре никуда не улетала, куда она денется, и рыжий кот так же как и прежде сидел у себя в окне и смотрел. Впечатлительный фотограф, к тому же, к несчастью склонный, к мистицизму, не сделав на сей раз ни одного снимка, поспешил удалиться. Чертовщина какая-то, Сюрреализм! Остаток дня человек решил провести печатлея с набережной лазоревые дали.

Нетрудно догадаться, что с тех пор фотограф чуть не каждый день почти против своей воли стал появляться у стены и каждый раз рыжий кот смотрел, нисколько не смущаясь тем что видит одного и того же человека снова и снова. Взгляд кота как и всегда был ровен и невозмутим, что ещё пуще лишало покоя человека, выводило его из равновесия.

Дни проходили за днями, начались дожди, синяя краска местами облетела с ватерпруфа барышни, подросла трещина на взмокшей стене, а кот всё сидел в небольшом почти квадратном окне, единственном в левом верхнем углу.

Но вот и осень. Фотограф сильно изменился. Он ходит к стене, ходит за дозой. Иногда дня три он выдерживает себя, но потом неизменно приходит опять, стоит по долгу, уже без верного друга фотоаппарата. Теперь человек стал забывать о нём, о своём объективном друге.

Прошло ещё около месяца и в один день, в один ненастный день, случилась катастрофа. Погода была действительно пре мерзопакостной, с утра без конца сыпал мелкий дождь, тяжёлые тучи плотно накрыли город. Фотограф по обыкновению направлялся к своей стене. Вот высохшее дерево, вот лавочка на ней можно посидеть, а вот угол дома, стоит завернуть за него и мы у цели. Человек, минует лавочку, поворачивает за угол, вот он уже подходит к жёлтой стене: куда-то летит синяя барышня с зонтиком, вот единственное небольшое окно в правом верхнем углу, но кота в окне нет.

«Этого не может быть» – шепчет потерянный человек, дико всматриваясь в бессмысленный пустой квадрат – «Этого не может быть» – повторяет он как заклинание, как мантру, окно остаётся пустым. Рыжий кот не появляется. Он не появился и на следующий день и на следующий и через неделю и через две, кот не появился больше никогда.

Вскоре и человек куда-то сгинул. Пропал человек, фотограф, джентльмен.

Один учёный-чернокнижник утверждал: трехипостасность придает индивиду особую исключительность, но абсолютного просветления не обеспечивает.

СВИДАНИЕ

Рассказ

Не надо далеко ходить, если угодно, можно встретиться у фонтана, первое, что приходит в голову. Фонтан для свиданий, бесспорно, место достойное – от фонтана прохлада, что делает ожидание комфортным и, вместе с тем, романтично, в старом стиле. Ещё свидания бывают у памятников, например, какому-нибудь поэту, или писателю, или даже семи-пятей-во-лбу мыслителю, но это больше для людей образованных. Для всех же без исключения очень даже похвально назначать свидание у памятника национальному герою, спасшему страну от великой смуты. Это не только романтично, но и в высшей степени патриотично, особенно если назначающий в курсе кому и за что данный памятник воздвигли благодарные потомки. Также свидания случаются у входа в метро, у входа в торговый центр, в самом торговом центре, на фудкорте, не отходя от кассы Бургеркинга. Такие места, конечно, вряд ли можно обвинить в каком-либо покушении на романтизм, зато вполне в духе времени. Словом, где только не назначают свиданий, бывают места даже самые неожиданные.

Один наш знакомый, например, назначил девушке свидание на автобусной остановке – ни то ни сё. Теперь сидит здесь на лавочке под козырьком с надписью ост. Стрелка, ждёт. Это свидание уже второе, первое случилось ровно неделю назад. Тогда он предложил встретиться, нет не у фонтана, у памятника, причем у памятника своему тезке и даже однофамильцу, философу-материалисту, революционеру-демократу и великому теоретику критического утопического социализма Николаю Чернышевскому.

На сей же раз молодой человек, о ком и пойдёт речь в дальнейшем, как вы уже, наверное, догадались, решил не умничать и выбрал, недолго думая, обычную автобусную остановку, тем более, что никакой он был не однофамилец и даже не тезка великому теоретику. Звали его на самом деле Максим, а фамилию Максим носил двойную Духан-Чернихович. Так что Чернышевским он никоим образом не являлся. Хотя если всматриваться в его физиономию не особо предвзято, мог бы сойти и за Чернышевского, но дабы не возникло охоты рассуждать в том же направлении и дальше, скажем сразу: Черновым он не мог быть ни под каким взглядом. К его физиономии фамилия Чернов вряд ли могла бы быть применима, даже с большой натяжкой. Ну не натягивается такая фамилия на вот этот нос, на бескрайнюю, неизбывную грусть вот этих ближневосточных глаз. Что в этих карих глазах – века гонений и бед, которые сыпятся на курчавые головы многострадального народа с начала времён. Народ израилев конечно же избран, но, судя по всему, отнюдь не царствовать под

началом своего мессии, а совсем для других целей.

Если уж неизбежно отвешивание люлей в нашем несовершенном мире, то, для таких целей, разумеется, кто-нибудь всегда должен быть под рукой, козёл отпущения нужен. Без козла никак нельзя. История прекратится, земля остановится. Козёл как необходимейший фактор сдерживания и умиротворения, то, что позволяет сохранять баланс, хаос и стагнация вместо стабильности и прогресса – вот что наступит без козла. На эту роль как раз, видимо, и были избраны потомки Сима создателем. Почему именно они, кто знает, пути господни неисповедимы. Впрочем, никто как бы особо и не возражает, ибо нефиг.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/shaevich_petr/tri-rasskaza

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)